

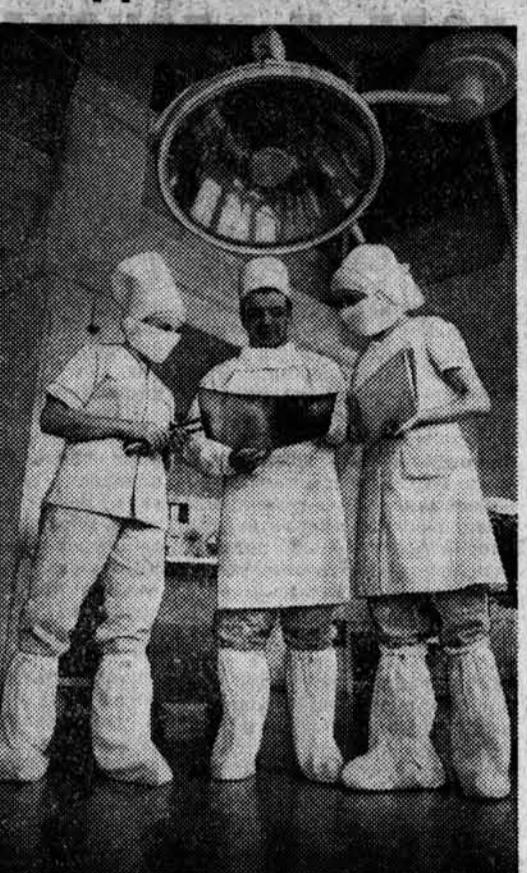
НАША ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ

Железнодорожная больница — одна из старейших и заслуженных на Алтае. После двадцать лет — время ее наиболее интенсивного развития. Оно совпадает с появлением в нашем крае медицинского института. Железнодорожная больница стала базой трех его ведущих кафедр (факультетской хирургии, факультетской терапии, гинекологии и акушерства). Кафедры и определены главным образом высоким лечебно-диагностическим уровнем больницы. Руководитель кафедры — профессор И. И. Неймарк, Г. В. Трубников, С. Н. Хейфель задали тон всему коллективу больницы, ставшей с определенных пор и кузницей кадров, и научным учреждением.

Главный контингент больницы — железнодорожники. И не только нашего Алтайского отделения. По многим специальностям она — база всей дороги. К примеру, по заболеваниям штатной железы и ряду других эндокринных отклонений. Но лечит больница и горожан из железнодорожников. За помощью сюда обращаются жители села и даже иногородние. И покидают ее с чувством признания врачам, сестрам, няничкам.

В общепризнанных достижениях железнодорожной больницы несомнена и заслуга ее руководителя Мартина Борисовича Фореля. Отдел много времени строительству больницы, Форель много сил отдает и научно-практической работе. Кандидат наук, способный, постоянно оперирующий хирург, он сам подает пример взаимности и трепетательности в своей работе, чуткого отношения к пациентам. Он — заслуженный врач РСФСР, отличник здравоохранения, почетный железнодорожник.

На снимке: М. Б. Форель.
Фото В. Садчикова.

8 29 КИЛОМЕТРАХ от центра Туруча, на берегу быстротечной Бии раскинулся поселок Верх-Бийск. В нем живут и «трудятся» лесозаготовители Туручинского леспромхоза. Вокруг поселяка — сосновый бор. Сказочно красива местность!

Вот в этом чудесном уголке природы живет и работает 25 лет самый уважаемый на селе человек — фельдшер Клавдия Федоровна Табакаева. Она заывает фельдшер-акушерским пунктом. На страже здоровья трудится 35 лет, окончив в 1945 году Горно-Алтайское медучилище. Жила в поселке Куршица, лечила лесорубов. Так что вся жизнь ее посвящена работникам леса, восстановлению их здоровья. И трудно назвать число людей, которым за долгие годы она помогла избавиться от недуга.

Работа в Верх-Бийске

Клавдия Федоровна вачинала в трудных условиях. Поселок начиняли только строиться. Ни школы, ни клуба, даже магазина не было. Для медпункта был выделен небольшой дом. А в нем — лишь точка на личине тумбочки. Медицинского оборудования никакого. Медикаментов из хватало.

Но фельдшер Табакаева знала: все начинается с нуля. Засучив рукава, она привилась к земле. Навела чистоту и порядок в медпункте. Как могла, лечила новоселов растущего поселка. Нередко, налево на личине тощак, отправлялась в райцентр за препаратами, оборудованием...

Теперь все это давно позади. Лесной поселок Верх-Бийск зарос и покоробился. Для жизни и быта есть все условия. Медпункт стал совсем неизвестен. Он разместился в просторном доме, обставлен корпоративной мебелью, оснащен современным оборудованием. И вот недостатка в лекарствах.

РАСТЕТ В СЕМЬЕ в том, что семья, проводящая благополучный ребенок вдруг как-то сразу в свои 13—15 лет становятся держкими, упрямым, своеобразным. Родители и дома с ним сидят, горя, а тут еще вызывают в школу для непримятых разговоров. Сыплются упреки, просьбы, наказания — и никакого воздействия. Остается сказать одно: «Трудный возраст!»

Чем же он объясняется? Причин, наверное, несколько: могут оказаться недочеты воспитания, плохая компания, дурной пример, но и подойдут к ответу с точки зрения своей профессии, как врачи.

Известно, что в организме подростка происходит довольно сложные возрастные изменения, и это предъявляет повышенные требования в первую очередь к первичной системе. Ей бывает трудно справиться с новой нагрузкой, с нахлынувшим потоком раздражений (импульсов), и результат может расстроиться наложением взаимодействия процессов возбуждения и торможения. Подросток становится неуравновешенным, вспышками активности неожиданно сменяется угрюмостью, недавно веселье — подавленным пастроением. Все это скрывается — не может не скрываться! — на формирования личности, неизбежной переноской понятий. Создаются собственные оценки критерии, родители перестают быть критериями, если они находят их в семье, в отношениях между отцом и матерью. Но и тут часто приходится мириться с известным максимализмом, неустойчивостью суждений, когда все сплошь «вернее» или все «блее», из полутонов, исключены компромиссы, и то, что еще вчера не прозвенело, сегодня с таким же пылом начисто отвергается. Единственный выход — бережно помочь подростку разобраться в ситуации, не стараясь вести его за

СЕЛЬСКИЙ ФЕЛЬДШЕР

пункт станции, примером, пытаясь передовать санитарного врача К. А. Табакаеву, и тут ее коллеги из всех без Туручинского района со спасением, за опытом, за советом...

Весной 1978 года Клавдия Федоровна выпала часть присутствовать на профсоюзном съезде медицинских работников в Москве. Все доброе, полезное, услышанное на форуме, отличница здравоохранения применяет на практике, передает другим.

«Ноябрьский день». Поселок окунулся сумраком. «Как скоро пролетело время», — подумала Клавдия Федоровна. — А ведь в премьере еще ждут люди. Еще с часами придется задержаться, — прикинула она. Мысль о том, что надо прократить прием, ей в голову не приходила. Ведь большого-то что-то беспокоит, он ждет помощи. Есть несколько вызовов на дом. Всё надо успеть.

Любят и ценят жители лесного поселка своего фельдшера. И есть за что. Отец Клавдия Федоровна пугла, отмычка. Сотни и сотни раз поздним вечером, ночью, в мороз и слякоть приходила эта женщина на помощь, приносилася радость выздоровления.

«За окном занималась утро. Поселок просыпался. Началась новый трудовой день. С неизлучной медицинской сумкой спешит на вызов Клавдия Федоровна. Она идет к людям, на которых живет и работает.

С тех пор Верх-Бийский фельдшерско-акушерский

пункт становится пунктом, на котором здорово трудится 35 лет, окончив в 1945 году Горно-Алтайское медучилище. Жила в поселке Куршица, лечила лесорубов. Так что вся жизнь ее посвящена работникам леса, восстановлению их здоровья. И трудно назвать число людей, которым за долгие годы она помогла избавиться от недуга.

Работа в Верх-Бийске

Клавдия Федоровна вачинала в трудных условиях. Поселок начиняли только строиться. Ни школы, ни клуба, даже магазина не было. Для медпункта был выделен небольшой дом. А в нем — лишь точка на личине тумбочки. Медицинского оборудования никакого. Медикаментов из хватало.

Но фельдшер Табакаева знала:

все начинается с нуля. Засучив рукава, она привилась к земле. Навела чистоту и порядок в медпункте. Как могла, лечила новоселов растущего поселка. Нередко, налево на личине тощак, отправлялась в райцентр за препаратами, оборудованием...

Теперь все это давно позади. Лесной поселок Верх-Бийск зарос и покоробился. Для жизни и быта есть все условия. Медпункт стал совсем неизвестен. Он разместился в просторном доме, обставлен корпоративной мебелью, оснащен современным оборудованием. И вот недостатка в лекарствах.

РАСТЕТ В СЕМЬЕ в том, что семья, проводящая благополучный ребенок вдруг как-то сразу в свои 13—15 лет становятся держкими, упрямым, своеобразным. Родители и дома с ним сидят, горя, а тут еще вызывают в школу для непримятых разговоров. Сыплются упреки, просьбы, наказания — и никакого воздействия. Остается сказать одно: «Трудный возраст!»

Чем же он объясняется? Причин, наверное, несколько:

могут оказаться недочеты воспитания, плохая компания, дурной пример, но и подойдут к ответу с точки зрения своей профессии, как врачи.

Известно, что в организме подростка происходят довольно сложные возрастные изменения, и это предъявляет повышенные требования в первую очередь к первичной системе.

Ей бывает трудно справиться с новой нагрузкой, с нахлынувшим потоком раздражений (импульсов), и результат может расстроиться наложением взаимодействия процессов возбуждения и торможения. Подросток становится неуравновешенным, вспышками активности неожиданно сменяется угрюмостью, недавно веселье — подавленным пастроением.

Важно дать подростку почувствовать, что воспринимает его как личность, считающуюся с его мнением, готовы на равных поспорить с ним, если что — доказать его неправоту, не злоречь суждения. Но все это не готовыми доводами, наставлениями, а логических разборами все «зак и против». Задача родителей — привлечь внимание общества — приводить в пример себя. Время и однажды с годами меняются, привыкли видеть, какое то есть мнение, искать приемлемые для общества аргументы.

Важно дать подростку почувствовать, что это его как личность, считающуюся с его мнением, готовы на равных поспорить с ним, если что — доказать его неправоту, не злоречь суждения. Но все это не готовыми доводами, наставлениями, а логических разборами все «зак и против». Задача родителей — привлечь внимание общества — приводить в пример себя. Время и однажды с годами меняются, привыкли видеть, какое то есть мнение, искать приемлемые для общества аргументы.

Подросток ничего не принимает на веру, ищет вследствие, доказывает факты, жизненные примеры. Хорошо, если он находится в семье, в отношениях между отцом и матерью. Но и тут часто приходится мириться с известным максимализмом, неустойчивостью суждений, когда все сплошь «вернее» или все «блее», из полутонов, исключены компромиссы, и то, что еще вчера не прозвенело, сегодня с таким же пылом начисто отвергается. Единственный выход — бережно помочь подростку разобраться в ситуации, не стараясь вести его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубокая, а часто и настойчивая склонность к аутизму, к которой ведет его за

рукава. Родители как-то кажется, что для собственного спокойствия им лучше подольше задержать dochь или сына в состоянии детства, или им еще хочется говорить о своем долголетии 16-летнему ребенку. Глубок